

Мариола Якубович
Институт Славистики ПАН
(Польша, Варшава)
mjakub7@interia.pl

ПРИНЦИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

В статье освещены принципы определения значений в реконструированных языках. Реконструкция значения требует рассмотрения отдельных значений, реконструируемых на основании разрозненных данных, а именно: «этимологического значения», «структурного значения» и «значения, реконструируемого на основе континуантов», установленного путем сравнения значений континуантов данной «пралексемы» во всех славянских языках [Jakubowicz 2010]. В случае сходства значений континуантов можно сделать вывод, что праславянское значение равно тому, которое повторяется во всех славянских языках. В случае совпадения семантики континуантов реконструкция основывается на попытке возведения реальных значений к общему, из которого могли развиваться отдельные значения, представленные в разных языках. Праславянское значение могло эволюционировать. При установлении общего значения слова может помочь его морфологическая структура, если данное слово было произведено на праславянской основе. Часто значение деривата, возникающее из семантики производной основы, не отличается от значения, реконструированного на базе значений континуантов в славянских языках. В случае разницы между значением «структуральным» и тем, которое возникает из сравнения континуантов праславянской лексемы, нужно проследить путь, пройденный до образования последующего значения в славянских языках. Ещё более ранний этап развития — это «этимологическое» значение, которое может быть реконструировано на основе сравнения значений индоевропейских соответствий, а в случае их отсутствия — значений, реконструированных из и.-е. корней. Надёжность правильной реконструкции значения наиболее велика при соответствии вышеприведенных частных значений либо при возможности выведения одного значения из другого.

Jakubowicz M. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przysłówków słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańskiego, SOW. 2010, 375 s.

Ключевые слова: семантическая реконструкция, континуанты, морфологическая структура, сравнительная этимология.

Вступление

Реконструкция значения представляет собой одну из важнейших проблем этимологии. Не случайно эта тема часто поднимается в дискуссиях специалистов, изучающих праславянскую лексику. Несовпадение взглядов на реконструкцию значений праславянских лексем огромно. С одной стороны, говорится о надёжности восстановления семантической составляющей реконструированного слова (SP), с другой — подвергается сомнению сама возможность реконструкции (ЭССЯ). Это диаметрально различие взглядов имеет основания. Те этимологи, которые стоят за реконструкцию значения каждого праславянского слова, исходят из принципа неделимости языкового знака. Ввиду того неопровержимого факта, что каждое слово является единицей, имеющей как форму, так и содержание, восстановление самой формы слова решает задачу наполовину. Те же, кто считает, что надлежит дистанцироваться от восстановления праславянских значений, проявляют осторожность. Думаю, что трудности, возникающие при реконструкции значений, слишком серьезны, чтобы делать такой решительный шаг, каким является ограничение семантики слова. Эти трудности возникают из факторов как внеязыковых, так и языковых.

Начнём с первых. Надо отдавать себе отчет в том, как много вопросов и сомнений рождается при исследовании праславянского языка. Достаточно вспомнить о весьма различных взглядах на место и время прародины славян. Далее идут сомнения насчет праславянских реалий. Для выработки представлений об их характере служат прежде всего исследования консервативных сельских общин славян, проводимые этнологами и этнолингвистами. Результатом этого являются обширные работы энциклопедического и лексикографического характера [Moszyński 1929–1939, SSS, СД и SSiS]. Подобные исследования позволяют современным исследователям перенестись в реалии, близкие к праславянскому времени, однако всегда неизмеримо далёкие от них. В свою очередь, археологические работы, подтверждающие наличие определённых объектов в эпохах, интересующих нас, имеют тот недостаток, что в ненадёжных случаях дистанцируются от определения этноса (известно, например, что лужицкую культуру невозможно отождествлять с культурой современных лужицких сербов). Все это объясняет осторожность научных работников в отношении слишком точных определений, относящихся к праславянскому языку.

Что касается языковых проблем, то существуют закономерности, управляющие развитием значений. Они значительно менее отчётливы, чем те, которые можно установить для развития формы. Это нашло выражение в длительном пренебрежении семантикой со стороны авторов этимологических словарей. С другой стороны, постоянно продолжают попытки упорядочить закономерности развития значений, рассматриваемых с разных точек зрения [см., напр., статью Г. Клепарского: Kleparski 1999: 77–91]. Помимо регулярных изменений значений, существуют также случайные. Типичным примером является возникновение названия денег: лат. *moneta* от прозвища богини *Iuno Moneta* ‘напоминающая’, в святилище, в котором

(или, согласно иным источникам, рядом с которым) находился первый римский монетный двор.

Сбор возмозших семантических изменений и их классификация часто требуются в среде диахронистов, особенно этимологов. Уже в 1903 году Ян Родвазовский в обширной, насчитывающей почти сто страниц книге — рецензии на работу Вильгельма Вундта — заявил о необходимости создания основы семантических изменений. В более близкое к нам время также появлялись подобные призывы вместе с примерами конкретных решений [см. Трубачёв 1964, Havlová 1965, Popowska-Taborska 1989, Karlíkova 2008, Jakubowicz 2010]. Однако следует считаться с тем, что разработка единого корпуса для достаточного количества языков и хотя бы наиважнейших областей семантики требует скоординированного труда больших коллективов научных работников (в зависимости от количества языков) и еще долго будет находиться в области намерений.

В данной статье представлены принципы реконструкции значений. Реконструкция значения требует обозрения отдельных гипотетических значений, воссозданных на основе разрозненных данных. Этими отдельными значениями являются: «этимологическое значение», «структурное значение» и «значение, реконструированное на основе континуантов» [Jakubowicz 2010].

Значение, реконструированное на основе континуантов

В лексикографической работе над исконной семантикой праславянских слов важны две задачи, а именно: подбор доказательного материала для словарей, а также сама реконструкция праславянского значения. При подборе материала необходимо принять во внимание слова, которые продолжают реконструированную праславянскую форму и значение которых в разных славянских языках сходно. Основная задача — сравнение континуантов данной «пралексемы» из всех доступных хронологических языковых слоев. В поле зрения находится целый спектр славянских языков, изменения как в их литературных формах, так равно и в диалектах. Значения этих континуантов сопоставимы друг с другом. Классификацию ранга отдельных свидетельств определяет хронологический фактор (более старые свидетельства важнее новых), а также соотношение значений с предполагаемыми праславянскими реалиями. Особое внимание уделяется диалектам, преимущественно тем, которые считаются архаичными (например, полесские говоры).

Наряду с непосредственными продолжениями пралексем иногда принимаются во внимание также значения их дериватов, так как бывают случаи, когда первичное значение сохранилось именно в них.¹

В славянском лексиконе много слов, значения которых достаточно близки, а если опираться на переводные словари, можно было бы говорить о тождестве,

¹ Примером является прасл. **bermeġ* ‘то, что носят; тяжесть’, слово, образованное на основе праиндоевр. **bher-* ‘нести’, которое, в отличие от производного того же корня **bъrati* ‘брат’, не утратило праиндоевропейского значения ‘носить’ [Якубович 2010: 48].

например, континуанты праславянского **milь* ‘милый’. В таких случаях реконструкция проста и можно признать по умолчанию, что праславянское значение равно значению, повторяющемуся в каждом языке.

В случае несходства семантики континуантов реконструкция основывается на попытках сведения действительных значений к исходному, или такому, из которого могли развиваться отдельные значения, представленные сейчас в разных языках. Этой проблемой занималась Ж. Ж. Варбот в статье «Связи значений и семантическая реконструкция в этимологии»: «Часто признается, что целью семантической реконструкции многозначного слова является нахождение своего рода семантического знаменателя, способного перекрыть, нивелировать различия в значениях. Это верно лишь для последнего этапа реконструкции, которому должно предшествовать исследование каждого значения на предмет его сочетаемости с другими значениями и выводимости из них как в данном слове, так и в других словах, так что поиск общего знаменателя возможен лишь после отстранения возможных вторичных значений, на базе сопоставления значений, не поддающихся исторической иерархизации» [Варбот 1992: 235 [2012: 77]]. Автор принимает во внимание, что первым этапом должно быть такое упорядочение значений континуантов, чтобы сократить количество значений, претендующих называться «исходными». Только после этого можно искать общий знаменатель, заключающий в себе семы, продолжающиеся во всех «исходных» значениях. Однако случается, что в результате предложенных Ж. Ж. Варбот процедур обнаруживается несколько значений, для которых нельзя найти общий знаменатель. Иногда решение этой проблемы продиктовано территориальным соотношением значений. Если отдельные значения входят в группы, соответствующие диалектному делению, речь идет, вероятно, об особом развитии в разных группах праславянских диалектов, не обязательно относящихся к праславянскому состоянию [см. Jakubowicz 2012: 103–109]. Иногда речь идёт о другой ситуации, как в случае праслав. **chudь*, где именно и обнаруживается несколько исходных значений: ‘худой’, ‘бедный’, ‘маленький’, ‘несущественный’, которые могут выводиться друг из друга, однако при этом неясно, какое из них можно считать первичным.

В работе лексикографов, решающих, какие слова и значения надлежит рассмотреть в словаре в качестве континуантов, возникают две ситуации.

1. Слова с явно вторичным значением, иногда с очевидным отсутствием соотношения с праславянской эпохой, что касается главным образом названий объектов, возникших в позднейшие времена, например, технических терминов. Они бесполезны с точки зрения реконструкции первичного значения и могут считаться ненужным балластом. Однако, с другой стороны, сбор таких слов в сравнительном словаре, каким в конечном счете является реконструируемый словарь, может помочь в работе над корпусами семантических изменений, о которых говорилось выше. Решение о минимальности или максимальности доказательного материала и включении в словарь слов с вторичными значениями не особенно существенно, так как речь идет о словах, непосредственная связь которых с реконструированным словом считается надежной. Представляется, что проблему решат электронные версии словарей, в которых можно будет рассмотреть в целом собранный

доказательный материал, одновременно выделяющий то, что признано ключевым для реконструкции праславянского значения.

2. Значительно большую трудность представляют слова, которые формально отвечают продолжением реконструированных форм, зато семантически отличаются в основном настолько, что их происхождение от данного реконструкта может быть подвергнуто сомнению. В таких случаях надлежит рассматривать возможность иного происхождения проблематичного слова, например, заимствование из неславянского языка [см. Boguś 1997]. Впрочем, иногда даже в случаях кажущейся возможности происхождения одного значения из другого убедительный анализ указывает на ошибочность этого пути (см. кашуб. *klëpa* 'песчаная отмель, выступающая над уровнем моря или озера', которое в ЭССЯ 10: 78 оказалось отнесено к словам, обозначающим лаву, выводимым из праславянского **klopъ*, в то время как это является заимствованием из нем. *Klippe* 'скала, выступающая над уровнем моря', [Boguś, Popowska-Taborska 1999: 45–46].

Всем известно, что семантическое развитие не должно происходить регулярно и что кроме ожидаемых семантических цепочек, в которых новые значения возникают на базе изменения отдельных сем, также новые значения возникают на основе случайных сочетаний, где о регулярности не может быть и речи.

Структурное значение

Праславянское значение, как и любое другое, могло эволюционировать. Поэтому наряду со значением, реконструированным на основе континуантов, о котором говорилось выше, надлежит рассмотреть также возможность использования при реконструкции праславянского значения иных факторов, которые могут указывать на наиболее раннюю фазу значения.

При определении значения праславянского слова на этапе его возникновения может оказать помощь его морфологическая структура,² если интересующее нас слово возникло на праславянской основе и если мы располагаем хорошо подтверждённым значением его производящей основы. Часто бывает, что значение, исходящее из семантики производящей основы, не отличается от значения, которое может быть реконструировано на базе значений континуантов в славянских языках, например **gadъnъ* 'противный, отвратительный' от **gaditi* 'вызывать отвращение', **makovъka*, 'головка мака' от **makovъ*, а это, в свою очередь, от **makъ* 'растение мак, Papaver'. Наиболее трудными, но и наиболее интересными с точки зрения исследователя являются случаи, когда семантика производящей основы отличается от значения, которое вытекает из сравнения континуантов интересующего нас слова. Тогда надлежит проследить путь, который привёл к возникновению значения,

² См. Ж. Ж. Варбот «Важнейшая задача этимологии — совершенствование методов взаимодействия структурной и семантической реконструкции в направлении извлечения семантической информации из структурных данных и информации о форме, структуре — из семантики лексем» (Варбот 1992: 182 [2012: 137]).

представленного в славянских языках. Примером такого расхождения может быть праславянское прилагательное **chytrь*. Его продолжения выступают в различных значениях: старочерковнослав. *chytrь* ‘ловкий, проворный’, словен. *hiter*, серб. и хорв. *hitar* ‘быстрый’, в этом же значении также словацк. *chytrý*, верхнелуж. *chětry* и болг. *xumьp* ‘ловкий, хитрый’, польск. *chytry* ‘то же’ и (это также считается омонимом) ‘скупой’, чешск. *chytrý* ‘быстрый, понятливый, умный’, рус. *xитрый*, блр. *xитры*, укр. *xитри* ‘хитрый, коварный’, ‘сложный, запутанный’. Эти значения можно распределить по двум группам: относящийся к движению: ‘быстрый’ (это подтверждает старочерковнославянский язык) и относящийся к мышлению, где все значения указывают на точный образ мысли, иногда оценивая его негативно. Без помощи значения, вытекающего из структуры слова, мы бы реконструировали следующую семантическую цепочку: ‘быстрый в движениях’ > перен. ‘быстрый в мышлении’ > ‘понятливый’ (и использующий это с хорошей или дурной целью). Словообразовательная база, а именно праслав. **chytati* ‘хватать, ловить’, подтверждает эти предположения, так как хватание связано с быстрым, ловким движением и одновременно указывает, что переносное, относящееся к мысли значение могло возникнуть очень рано, почти синхронно. Непосредственным доводом может служить существование польского синонима *pojętny* от синонимичной основы *jać* ‘брать, хватать’. Мы можем дополнительно реконструировать наиболее раннее из вышеприведенных значений: ‘способный к хватанию’ — в прямом и переносном смысле.

При реконструкции этого этапа значения надлежит принять во внимание оба элемента структуры слова, как производящую базу, так и суффикс. Семантическая нагрузка суффикса связана с принадлежностью рассматриваемого слова к той или иной части речи. Как известно, наряду с суффиксами, у которых доминирует одна функция, существует значительно большее количество многофункциональных суффиксов, не дающих возможность определить структуру слова. Наибольшее семантическое наполнение имеют суффиксы имен существительных. На основе суффикса можно определить принадлежность к категории детенышей (суффикс *-ę-* с основой на *-t-*), характеристики места (*-isko* и *-išće*, хотя те же суффиксы могут также выражать увеличительность, особенно с пейоративным оттенком) или же к категории действующих лиц (суффиксы: *-ar’*, *-telb*). У прилагательных мало суффиксов, указывающих на семантику. Ограниченность с точки зрения количества или нагрузки может, как кажется, иллюстрировать суффикс *-avъ*, особенно по отношению к интенсивности цвета. Современное состояние работы с праславянской лексикой не позволяет обещать в ближайшее время достижений, касающихся семантики праславянских суффиксов. У глаголов отношения между морфологическим строением и принадлежностью к смысловой группе очень сложны. Существенны как принадлежность к отдельным тематическим группам, частично унаследованным ещё из праиндоевропейской эпохи, так и наслоившаяся на них праславянская суффиксация. Эту проблему досконально описал Ф. Славский в «Очерке праславянского словообразования» [SP I: 43–58]. В том же очерке автор представил и праславянские суффиксы существительных, рассмотрев их с точки зрения семантики [SP I: 58–141, II: 13–60, III: 11–19, ср. еще Matasović 2014].

Этимологическое значение

Очередной, еще более ранний этап развития — этимологическое значение. Оно может быть реконструировано на основе сопоставления индоевропейских соответствий. Этимологическое значение не должно было реально возникнуть в праславянском языке. Оно могло дать только направление развития. Для определения этимологического значения могут быть использованы либо точные соответствия, либо слова близкородственные, различающиеся морфологическими элементами, не вызывающими изменения значения, например, различием неотягощённых семантически суффиксов прилагательных.

Показательно значение праславянского прилагательного **slabъ* ‘характеризующийся недостатком силы, слабый’, определенное на основе семантического соответствия продолжений в разных славянских языках, где находится дополнительная опора для этимологического значения, благодаря соответствиям в ст.-в.-нем. *slaf* ‘слабый, обвислый’ и латышск. *slābans* ‘ветхий, слабый’. Помощь в определении этимологического значения могут оказать также реконструированные значения праиндоевропейских корней, хотя они, конечно, имеют меньшую ценность по сравнению с точными — действительно ранними — соответствиями. Иногда возможна иная ситуация, когда семантика, реконструированная на базе продолжений в славянских языках, явно отличается от семантики, на которую указывают индоевропейские соответствия. Праславянское **starъ* ‘многолетний, долголетний, немолодой, старый’ представляет соответствие значений во всех славянских языках. Однако индоевропейские соответствия (лит. *stóras* ‘грубый’, ст.-сев. *stórr* ‘большой, сильный, мужественный, значительный’), резко отличаются семантически. Рассматривая индоевропейский глагольный корень **stā-* ‘стать’, лежащий, очевидно, в основе отыменных прилагательных, следует признать, что первичной мотивацией славянского прилагательного **starъ* была физическая сила, крепость, следовательно, изначально это слово относилось скорее к человеку в расцвете сил, а не к старику, и лишь позже, по неизвестной нам причине, вытеснил континуант праиндоевропейского **uetus-o-* ‘старый’ > праслав. **vetъchъ*, остаточно сохранившийся в некоторых славянских языках (напр. *Ветхий Завет*). Определение этимологического значения имеет особую важность не только для реконструкции истоков праславянской лексики, которая нам еще менее доступна, чем лексика конца эпохи праславянского языка. Оно играет существенную роль в восстановлении последовательных этапов формирования значения от праиндоевропейских времен, через период гипотетической балто-славянской общности (здесь может помочь словарь Траутманна с реконструкцией балто-славянской лексики, Trautmann 1923). Примером является поиск первичного значения праславянского прилагательного **mъdry*. Сопоставление значений континуантов указывает на доминирующее в родственных славянских языках значение ‘умный’. В этом случае мы не можем реконструировать структуральное значение на праславянской почве, потому что прилагательное со старым суффиксом *-ro-* унаследовано уже в «готовой» форме из праиндоевропейского языка. Сравнение значений с индоевропейскими соответствиями: лит. *mandrūs* ‘гордый, дерзкий’ и латышск. ‘энергичный, живой’, нем. *munter* ‘живой, энергичный, горячий’ — подсказывает первичность значения

‘энергичный, живой’. Дополнительным аргументом является общая тенденция к первичности конкретных значений по отношению к абстрактным.³ Несмотря на это, данная реконструкция не представляется правильной. Её поправляет словообразовательное строение источника этих слов — праиндоевропейского **mondh-ro-*, а именно апофонической именной формы, чередующейся с праиндоевропейским **mendh-* ‘учиться’, с дальнейшей этимологией от *men-* ‘мыслить; мысль, ум’ + *dhe-* ‘класть’. Это доказывает, что в данном случае именно абстрактное значение, скрытое в славянских языках, представляет собой первичную семантику.

Заключение

Завершая эту статью, не хотелось бы указывать, какой из описанных здесь этапов реконструкции значений следует признать наиболее надёжным. В лексикографической практике «*Slownika praslowianskiego*» преобладает реконструкция, опирающаяся на значения континуантов восстановленных лексем. Этот способ восстанавливает позднейшее значение, наиболее близкое к эпохе распада на отдельные языки. Впрочем, это не отклоняется от целей, поставленных перед «*Slownikiem praslowianskim*», редактор которого Францишек Славский написал во вступлении: «Нашей задачей является реконструкция словарного состава праславянского языка в период, непосредственно предшествовавший наиболее древним историческим данным, то есть приблизительно с VII–VIII вв. н.э. В начале работы мы наметили себе цель реконструировать состояние с последнего периода фактической, реальной славянской общности, то есть с IV–V в. н.э.» [SP I: 6]. Только сравнение извлеченного таким способом значения с более ранними этапами — «структурным» и «этимологическим» значением — позволяет ответить на вопрос, было ли данное значение присуще всему праславянскому периоду, а также включить семантику праславянского слова в фарватер развития индоевропейской семантики.

Литература

Варбот Ж. Ж. Связи значений и семантическая реконструкция в этимологии / Wiener Slawistisches Jahrbuch. 1992. В. 38. S. 233–241 [переиздание: Исследования по русской и славянской этимологии. М.: Нестор-История. 2012. С. 75–81].

Варбот Ж. Ж. О соотношении структурного и семантического аспектов анализа в этимологии / Славистика, индоевропеистика, ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. Конференция. Тезисы докладов. М.: 1991. С. 181–186 [переиздание: Исследования по русской и славянской этимологии. М.: Нестор-История. 2012. С. 136–138].

Трубачёв О. Н. «Молчать» и «таять». О необходимости семасиологического словаря нового типа / Проблемы индоевропейского языкознания: Этюды

³ Формированию семантики праславянского слова посвящена статья М. Войтылы-Свежовской [2006: 80–84].

по сравнительно-исторической семантике индоевропейских языков. 1964. С. 100–105.

Boryś W. O mylnej interpretacji etymologicznej pewnych zapożyczeń z języka niemieckiego / Wort und Name im deutsch-slavischem Sprachkontakt. Ernst Eichler von seinen Schülern und Freunden / red. K. Hengst, D. Krüger, H. Walther i in. Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag. S. 149–155.

Boryś W., Popowska-Taborska H. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy SOW. t. 3. 377 S.

Havlová E. O potřebě slovníku semantických změn / Jazykovědné actuality. 1965. no. 4. S. 3–4.

Jakubowicz M. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny, Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy SOW. 2010, 375 S.

Jakubowicz M. Próba zastosowania kryterium semantycznego w badaniach nad zróżnicowaniem dialektym języka prasłowiańskiego / Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav. Ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezljaja. red. M. Furlan, A. Šivic-Dular, Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2012. S. 103–109.

Karlíková H. Úloha principu sémantických paralel v etymologickém výzkumu / Slavia. 2008 (LXXVII). no. 1–3.

Kleparski G. Kierunki typologiczne w badaniach nad zmianą znaczeniową wyrazów / Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. 1999 (LV). S. 77–91.

Matasović R. Slavic Nominal Word-Formation. Proto-Indo-European Origins and Historical Development. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014. 221 S.

Moszyński K. Kultura ludowa Słowian, Vol. 1–2, Kraków 1929–1939. 2-wyd. Warszawa 1967–1968. 2300 S.

Popowska-Taborska H. O potrzebie słownika semantycznych paralelizmów / Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich. Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. Warszawa: 1989. S. 19–26.

Rozwadowski J. Semazyologia czyli nauka o rozwoju znaczeń wyrazów. Jej stan obecny, zasady I zadania / Eos. 1903, S. 17–111.

Trautmann R. Balto-slavisches Wörterbuch. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Publ. 1923.

Wojtyła-Świerżowska M. **Mōdra žena*. Semantische Betrachtungen / Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. Москва: Индрик, 2006, с. 80–84.

Wundt W. Völkerpsychologie. Die Sprache. Leipzig. 1990.

Сокращения

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. I–V / Ред. Н. И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995–2012.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва (Вып. 1–31), А. Ф. Журавлёва (Вып. 32–), Ж. Ж. Варбот. Вып. 1–40–. М.: Наука, 1974–.

SP — *Słownik prasłowiański* / Red. F. Sławski, Wrocław: Ossolineum, 1974–.

SSS — *Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych* / red. G. Labuda, Z. Stieber. Vol. 1–8. Wrocław: Ossolineum 1961–1996.

SSiS — *Słownik stereotypów i symboli ludowych* / red. J. Bartmiński. T. I, cz. 1–4. Lublin: Wydawnictwo UMCS. 1996–2012.

Mariola Jakubowicz
Instytut Slawistyki PAN
(Poland, Warsaw)
mjakub7@interia.pl

PRINCIPLES OF SEMANTIC RECONSTRUCTION IN THE RECONSTRUCTION OF PROTO-SLAVIC VOCABULARY

In my article I present the principles of establishing meanings in reconstructed languages. Reconstruction of meaning requires the taking into account of partial meanings reconstructed on the basis of various data, namely: the “etymological meaning”, the “structural meaning” and the “meaning reconstructed on the basis of descendants”, reconstructed by comparing the meanings of the descendants of a given “proto-lexeme” in all Slavic languages (Jakubowicz 2010). In the case of the conformity of the meanings of the descendants one may assume that the Proto-Slavic meaning is identical with the meaning which recurs in all languages. In the case of a lack of conformity of the semantics of the descendants, reconstruction consists in making attempts at tracing the actual meanings to the meanings from which the particular meanings which occur in various languages could have developed. The Proto-Slavic meaning could evolve. The morphological structure of a word may be useful in the reconstruction of the previous meaning of such a word, if a given word was derived in the Proto-Slavic context. Frequently, the meaning of a derivative which results from the semantics of the derivational basis does not depart from the meaning reconstructed on the basis of the descendants in Slavic languages. In the case of differences between the “structural” meaning and the meaning which results from a comparison of the descendants of a Proto-Slavic lexeme, one should trace the path which leads to the emergence of the meaning which is continued in Slavic languages. The still earlier stage in the development of a word is the “etymological” meaning which may be reconstructed on the basis of the comparison of the meanings of Indo-European equivalents, and in the case of a lack of such equivalents the meanings of the reconstructed PIE roots should be taken into consideration. The reliability of correct reconstruction of meaning is the greatest when the partial meanings mentioned above are consistent with each other or when there is a possibility to trace one partial meaning from another one.

Jakubowicz M. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny, SOW. 2010, 375 s.

Key words: semantic reconstruction, continuants of primordial meaning, morphological structure, comparative etymology.

References

Etimologičeskii slovar' slavyanskich yazykov. Praslavyanski leksičeskii fond. [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. ed. O.N. Trubachev, A.F. Zhuravlev, Zh.Zh. Varbot. Moscow: Nauka Publ., 1974–.

Boryś W. O mylnej interpretacji etymologicznej pewnych zapożyczeń z języka niemieckiego [About a misleading etymological interpretation of certain borrowings from German]. *Wort und Name im deutsch-slavischen Sprachkontakt. Ernst Eichler von seinen Schülern und Freunden* [Word and Name in German-Slavic Language Contact. To Ernst Eichler from his students and friends]. Ed. K. Hengst, H. Walther and oth. Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag. S. 149–155.

Boryś W., Popowska-Taborska H. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny* [Etymological Dictionary of the Kashubian Language]. Warsaw: Publishing Centre of Slavic Studies SOW. t. 3. 377 p.

Havlová E. *O potrebe slovníku sémantických změn* [On the Need for a Dictionary of Semantic Changes]. *Jazykovědné actuality* [Linguistic News]. 1965. no. 4. pp. 3–4.

Jakubowicz M. *Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny* [Development of Words across Centuries. An Outline of a Dictionary of Semantic Motivations Based on the Material of Slavic Adjectives Inherited from the Proto-Slavic Period]. Warsaw: Publishing Centre of Slavic Studies SOW. 2010, 375 p.

Jakubowicz M. Próba zastosowania kryterium semantycznego w badaniach nad różnicowaniem dialektym języka prasłowiańskiego [An Attempt to Apply the Semantic Criterion in the Study of Dialects of the Proto-Slavic Language]. *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav. Ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezljaja* [Proto-Slavic dialectal variety in the light of etymological research. On the 100th anniversary of the birth of Academician France Bezljaj]. ed. M. Furlan, A. Šivic-Dular, Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2012. pp. 103–109.

Karlikova H. *Úloha princiru sémantických paralel v etymologickém výzkumu* [The Role of the Principle of Semantic Parallels in Etymological Research]. *Slavia*. 2008 (LXXVII). No. 1–3. p. 84–92.

Kleparski G. *Kierunki typologiczne w badaniach nad zmianą znaczeniową wyrazów* [Typological Directions in the Study of Semantic Change of Words] *PTJ Biuletin*. 1999 (LV). pp. 77–91.

Matasović R. *Slavic Nominal Word-Formation. Proto-Indo-European Origins and Historical Development*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014. 221 p.

Moszyński K. *Kultura ludowa Słowian* [Popular Culture of the Slavs], Vol. 1–2, Cracov 1929–1939, 2300 p.

Popowska-Taborska H. *O potrzebie słownika semantycznych paralelizmów* [On the Need for a Dictionary of Semantic Parallels]. *Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich* [Parallels of the Development of the Vocabulary of Slavic Languages]. Warsaw: The Publishing Centre of Slavic Studies, 1989. pp. 19–26.

Rozwadowski J. *Semazyologia czyli nauka o rozwoju znaczeń wyrazów. Jej stan obecny, zasady i zadania* [Semasiology, or Science on the Development of Meaning of Words. Its Present State, Principles and Tasks]. *Eos*. 1903, pp. 17–111.

Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar' [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. N. I. Tolstoj, S. M. Tolstaya (Gen.ed.), Vol. I–V, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995–2012.

Słownik prasłowiański [Proto-Slavic Dictionary] ed. F. Sławski, Wrocław: Ossolineum, 1974–.

Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych [Dictionary of the Slavic Antiquity. Encyclopaedic outline of the Slavic Culture since the Earliest Times]. ed. G. Labuda, Z. Stieber. Wrocław: Ossolineum 1961–1996. Vol. 1–8.

Słownik stereotypów i symboli ludowych [Dictionary of popular stereotypes and symbols]. ed. J. Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS. 1996–2012. T. I: cz. 2: 481 S., cz. 3. 521 S., cz. 4: 395 p.

Trautmann R. *Balto-slavisches Wörterbuch* [Balto-Slavic Dictionary]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Publ. 1923.

Trubachev O. N. “*Molchat' i tayat'*”. *O neobkhodimosti semasiologičeskogo slovar'a novogo tipa. Problemy indoevropejskogo yazykoznaniya: Etyudy po sravniel'no-istoričeskoj semantike indoevropejskikh yazykov* [‘To be silent’ and to ‘melt’. On the Need for a Semasiological Dictionary of a New Type]. [Problems of Indo-European Linguistics: Studies on the Comparative Historical Semantics of Indo-European Languages]. Moscow, 1964, pp. 100–105. (In Russ.)

Varbot Zh.Zh. *O sootnoshenii strukturnogo i semantičeskogo aspektov analiza v etimologii* [On the correlation of structural and semantic aspects of etymology]. *Slavistika, indoevropeistika, nostratika. K 60-letiju so dnja rozhdeniya V. A. Dybo. Konferenciya. Tezisy dokladov*. [Slavic, Indo-European, Nostratic. To the 60th anniversary of V. A. Dybo. Conference. Theses of reports] M.: 1991. C. 181–186 [reprint edition: *Issledovaniya po russkoj i slavyanskoj etimologii* [Studies on Russian and Slavic etymology]. Moscow: Nestor-Istoriya Publ., 2012. Pp. 136–138]. (In Russ.)

Varbot Zh.Zh. *Svyazy znachenii i semantičeskaya rekonstrukciya v etimologii* [Relationship of values and semantic reconstruction in etymology]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1992. Vol. 38. P. 233–241 [reprint: *Issledovaniya po russkoj i slavyanskoj etimologii* [Studies on Russian and Slavic etymology]. Moscow: Nestor-Istoriya Publ., 2012. P. 75–81]. (In Russ.)

Wojtyła Świerżowska M. **Mōdra zena. Semantische Betrachtungen* [**Mōdra zena* ‘wise woman’. Semantic reflections]. *Ad fonts verbotum. Issledovaniya po etimologii i istoričeskoj semantike. K 70-letiju Zhanny Zhanovny Varbot*. [Ad fonts verborum. Studies in etymology and historical semantics. To honor the 70th birthday of Zhanna Zhanovna Varbot] Moscow: Indrik Publ., 2006, pp. 80–84.

Wundt W. *Völkerpsychologie. Die Sprache* [Social psychology. The language]. Leipzig. 1990.

Перевела с польского И. А. Горбушина.